

ТЕАТР

Ксения, Христа ради юродивая

Под занавес 101-го сезона театр представил на суд зрителей спектакль, обращенный к образу блаженной Ксении Петербургской

• Людмила СКАТОВА

Французский писатель, знаток и приверженец русской культуры Анри Труайя как-то заметил в отношении Ивана Шмелева, мучительно пытавшегося более детально изобразить Горний мир в своем романе «Пути небесные», что святость показать невозможно, о ней лишь можно рассказывать. В этом смысле спектакль Дмитрия Егорова оказался именно деликатным рассказом о полковнице Ксении Григорьевне Петровой, в результате раннего вдовства отвергнутой миром и больше его суетности нищету возлюбившей, исполнившей своим житием Евангельские заповеди блаженства.

Нелегкая задача стояла перед исполнительницей главной роли Оксаной Бугаец, которая вместе с режиссером, да и со всеми занятыми в спектакле артистами попыталась понять мистическую, совершенно иного измерения и иной устремленности природу поступков. Что особенно удивило с первых мизансцен, так это светлое, преображающее все вокруг чувство, которое возникло, несмотря на картины внезапной смерти Андрея Федоровича (артист Сергей Тихомиров), любимого супруга Ксении, и скорбного прощания с ним родственников молодой вдовы. И этот несомненный свет расстилается незримо практически до самого финала. Свет веры и любви. Как это удалось режиссеру и артистам, неведомо, и в этом заключается маленькое чудо. От одной картины к другой мы становимся свидетелями встреч Ксении с миром Горним. Но происходят они, прежде всего, через встречи с миром земным, порой жестоком и лживым, порой пошлым и непотребным.

Надев платье мужа, Ксения выходит на мытарства. Еще один значимый штрих, на который просит обратить внимание и режиссер, и актриса, - внешняя особенность этой мнимой безумной. Складывается впечатление, что потрясенная смертью супруга Ксения получает апоплексический удар, или инсульт, как теперь принято говорить, иначе, чем объяснишь ее едва восстановившуюся, затрудненную речь? Более того, на окружающих она производит сильное впечатление и вызывает разные эмоции - от смеха до неприятия, от презрения до сочув-

В самом выборе пьесы Вадима Леванова «Ксения Петербургская», которую вместе с режиссером-постановщиком Дмитрием Егоровым (Санкт-Петербург) театр взял в работу, нет ничего необычного. Необычно другое - впервые столкнувшись с драматургическим материалом подобного рода, показать на сцене образ той, что, по сути, не только является совестью града Петрова, но и первой среди женщин, вставших на путь юродства.

Ксения - Оксана Бугаец, Андрей Федорович - Сергей Тихомиров.

ствия. Встреча с подвыпившими мастерами Петербургской стороны, - с не злобным, в общем-то, Митяем (Никита Шатов) и прямолинейно-агрессивным Васькой (Дмитрий Якупов), оборачивается для блаженной побоями и омерзительными предложениями.

Оскорбления и насмешки - это, по сути, лейтмотив первого действия. Причем насмеваются даже великолепно простроенные на сцене художником Фемистоклом Ахмадзасом дома, и каждый - на свой лад. Насмеваются так, что начинает казаться, что со страшным стуком открываются все их до того момента заколоченные окна. При определенной подсветке они излучают какой-то inferнальный блеск. В ритмах резонирующих звуков, словно вызванных из преисподней, доносится до зрителя чуть ли не стук ленинградского, прорвавшегося сквозь время метронома, а обнажившиеся вымершей сутью дома видятся в зловещем блокадном ореоле.

У блаженной Ксении, провидевшей и смерть Царицы Елизаветы Петровны, и убийство в заточении одного из претендентов на русский престол - Иоанна VI, и финалы многих современных ей семейных историй, при жизни не было, как у Старца

Серафима, своего Мотовилова. Никто не записывал ее подвигов, совершаемых в одиночестве, поэтому нам неизвестно, предвидела ли она революцию или блокаду Петербурга-Ленинграда, но в том, что режиссер Дмитрий Егоров это предполагает, сомневаться не приходится. У него и, вообще, прослеживается четкое разделение на «суды Божии» и «суды человеческие». Поэтому в спектакле есть «смерть», а есть Успение, есть жизнь, а есть Житие. И это ощущение достойно несет героиня Оксана Бугаец, преодолевающей перипетии непростого образа: быть молитвенной с миром высших существ, говорить на одном языке с птицами небесными, почти немолчать

Салтыков - Михаил Морозов, и Ксения.

с живыми людьми. И привычные глазу одежды - зеленый жакет и бордовая юбка, которые придают иконографическую точность образу блаженной странницы (художник по костюмам Ольга Ахмадзас), появляются на Ксении-Оксане Бугаец не сразу. Для этого надо было не один кирпичик для воздвижения духовного храма поджать!

Встреча с опустившейся и разочарованной в любви Катей, становится настоящим искушением для Ксении. Происходит проверка ее веры и ее выбора, ведь

искусница Катя со всей страстностью и убедительностью природы, а может, и с долей лукавства - кажется, и такой краски не лишает образ своей фривольной героини Алина Бичай, - будет рассказывать Ксении о неверности ее Андрея Федоровича... И сколько таких встреч-искушений, встреч-испытаний будет у Ксении Петербургской!

Облаченный во все черное Салтыков (Михаил Морозов) - это тот тип русского барина, который, увлекшись эзотерическим миром, сблизившись с «духами злыбы поднебесной», потерял рассудок. Он одержим ими, но вскрывает эту духовную болезнь в нем лишь петербургская нищенка. Из этого, обличительного, ряда и встреча Ксении с мнимой юродивой Марфушей, колоритно сыгранной Александрой Цывуниной. Здесь и тщеславное желание быть на устах у толпы, и якобы дар прозорливости, и истеричность, свойственная кликушам, которых до сих пор можно встретить у церковной паперти, но ничего общего не имеющих с исповедниками веры.

Приходят любопытствовать, что это за феномен такой - Ксения блаженная, и праздные дамы с кавалерами. Эпизодический в жизни Ксении ансамбль составляют персонажи Александры Комоловой, Елизаветы Пономаревой, Михаила Морозова и

Катя - Алина Бичай, и Ксения.

Алексея Иващенко. Просто дамы и просто кавалеры. Есть еще некий поэт (Евгений Петров), желающий свести счеты с жизнью, но он мало что добавляет к строгому повествованию и образу Ксении, который выстраивает Оксана Бугаец. Все суетное понемногу отходит от нее, с завидным упорством носящей кирпичи к месту, где должна быть поставлена церковь Смоленской иконы Божией Матери. Родственным Ксении, пожалуй, оказывается очень даже человеческий и человеческий образ Смерти, или ее посредника между миром земным и миром загробным (Алексей Иващенко), благодаря чему рассказ об этой особенной женщине-ангеле обретает большую трогательность и сердечность, несмотря на некоторые смысловые лакуны. Но в финале спектакля выправляется все: после ухода блаженной Ксении заколоченные окна домов преображаются святыми ликами. Зажженная Ксенией свеча не гаснет, как не иссыкает и ее заступничество за людей апостольского града.

Артисты, занятые в спектакле «Ксения Петербургская».

Фото Александра Воробьева